

Научная статья

УДК 347.6

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.2.80-95

О совершенствовании правовой конструкции защиты членов семей погибших участников специальной военной операции: проблема легализации «фактических брачных отношений»

**Алексей Владимирович Барков^{1, 2},
Яна Сергеевна Гришина³**

¹ Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации, Москва,
Российская Федерация

² Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации, Москва, Российская Федерация

³ Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация

¹ barkov_a_v@mail.ru; ³ grishinel@inbox.ru

Аннотация

Введение. Актуальность темы исследования обусловлена социальной значимостью института правовой защиты членов семей погибших участников специальной военной операции в аспекте решения проблемы легализации «фактических брачных отношений» жен погибших ветеранов.

Методы. При написании статьи использовались общенаучные, частные научные и специальные методы исследования.

Результаты исследования заключаются в обосновании необходимости корректировки вектора совершенствования правовой конструкции защиты членов семей, в частности «фактических» жен погибших участников специальной военной операции. С учетом советского и мирового правоприменительного опыта аргументируется необходимость изменения концепции законопроекта о «фактических брачных отношениях» посредством смещения акцентов в предлагаемом правовом инструментарии с «имущественного» на «моральный», что может быть достигнуто с помощью легализации посмертных браков. Ожидаемый эффект от данного предложения заключается в том, что легализация браков после смерти способна предотвратить возможность предъявления вдовой имущественных претензий к семье умершего, исключить потенциальные наследственные споры, попытки злоупотребления своим статусом, а также обеспечить надежную социальную защиту «фактических» жен погибших участников специальной военной операции.

Проведенное исследование доказывает, что у институтов «фактических брачных отношений» и «посмертных браков» различная правовая природа и легализация этих правовых конструкций должна осуществляться соответствующим их природе правовым инструментарием. Учет критических замечаний к законопроекту «о фактических брачных отношениях» не изменит их правовой природы, поскольку дополнения вносятся в часть третью ГК РФ, что потенциально предполагает возникновение наследственных правоотношений в семье погибшего участника СВО и возможность последующих имущественных споров. Концептуальное изменение законотворческого подхода к практической реализации президентского поручения «в части разработки мер поддержки “фактических” жен погибших участников специальной военной операции» видится посредством внесения изменений в Семейный кодекс Российской Федерации, легализующих «посмертные браки», и в Федеральный закон «Об актах гражданского состояния».

Обсуждение и заключение. Формулируется вывод, что изменение концепции законопроекта в целом положительно скажется на исполнении поручения Верховного главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации.

Ключевые слова: фактические брачные отношения, посмертные браки, меры поддержки, специальная военная операция

Для цитирования: Барков А. В., Гришина Я. С. О совершенствовании правовой конструкции защиты членов семей погибших участников специальной военной операции: проблема легализации «фактических брачных отношений» // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 2. С. 80–95. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.2.80-95.

Original article

On Improving the Legal Structure of Protecting Family Members of Deceased Participants in a Special Military Operation: the Problem of Legalizing “De Facto Marital Relations”

Alexey V. Barkov^{1, 2}, Yana S. Grishina³

¹ Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

³ Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation

¹ barkov_a_v@mail.ru, ² grishinel@inbox.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the research topic is determined by the social significance of the institution of legal protection of family members of deceased participants in a special military operation in terms of solving the problem of legalizing the “de facto marital relations” of the wives of deceased veterans.

Methods. When writing the article, a wide range of general scientific, private scientific and special research methods were used.

Results. The results of the study substantiate the need to adjust the vector of improving the legal structure of the protection of family members, in particular the “actual” wives of deceased participants in a special military operation. Taking into account the Soviet and world law enforcement experience, it is argued that it is necessary to change the concept of the draft law on “de facto marital relations” by shifting the emphasis in the proposed legal instruments from “property” to “moral”, which can be achieved through the legalization of posthumous marriages. The expected effect of this proposal is that the legalization of marriages after death can prevent the widow from making property claims against the family of the deceased, eliminate potential inheritance disputes, attempts to abuse her status, and provide reliable social protection for the “actual” wives of deceased participants in a special military operation.

The conducted research proves that the institutions of “de facto marital relations” and “posthumous marriages” have different legal natures and the legalization of these legal structures should be carried out using legal tools appropriate to their nature. Taking into account the critical comments to the draft law “on de facto marital relations” will not change their legal nature, since additions are being made to Part three of the Civil Code of the Russian Federation, which potentially presupposes the emergence of hereditary legal relations in the family of the deceased participant in the special military operation and the possibility of subsequent property disputes. A conceptual change in the legislative approach to the practical implementation of the presidential instruction “regarding the development of measures to support the ‘actual’ wives of deceased participants in a special military operation” is seen through amendments to the Family Code of the Russian Federation legalizing “posthumous marriages” and the federal law “On Acts of Civil Status”.

Discussion and Conclusion. The conclusion is formulated that the change in the concept of the draft law as a whole will have a positive impact on the execution of the instructions of the Supreme Commander-in-Chief of the Armed Forces of the Russian Federation.

Keywords: actual marital relations, posthumous marriages, the measures to support, special military operation

For citation: Barkov, A. V., Grishina, Ya. S. On improving the legal structure of protecting family members of deceased participants in a special military operation: the problem of legalizing “de facto marital relations”. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(2):80-95. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.2.80-95.

Введение

В настоящее время члены семей погибших при выполнении задач специальной военной операции уже на законодательном уровне получили ряд мер поддержки, льгот и преференций [1]. Некоторые социально-правовые инструменты защиты различной отраслевой направленности еще не легализованы, и на законотворческом этапе продолжается работа по их обсуждению и совершенствованию. Как представляется, подобный социально-правовой инструментарий содержится в законопроекте¹ о ле-

¹ Законопроект № 539969-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федера-

гализации «фактических брачных отношений» погибшего или признанного умершим участника СВО для обеспечения членам семьи финансовой поддержки со стороны государства. Вместе с тем, несмотря на поддержку законодательной инициативы в первом чтении, ряд проблемных вопросов, которые могут возникнуть при легализации «фактических брачных отношений», не нашли законодательного решения, некоторые аспекты инструментария, а возможно, и сам правотворческий подход нуждаются в совершенствовании.

Методы

Методологическую основу исследования составляют общие логические методы познания социально-правовых явлений (анализ, синтез, обобщение, систематизация и др.), а также общие научные, частные научные и специальные методы – формально-юридический, логический, сравнительно-правовой, межотраслевой и другие, применяемые в комплексе, что позволило обосновать концептуально-альтернативный подход к легализации «фактических брачных отношений» жен лиц, погибших при выполнении задач специальной военной операции.

Результаты исследования

История вопроса и суть законотворческого замысла

Для погружения в отмеченную проблематику обратимся к истории вопроса. Импульсом к разработке и обсуждению инициативы послужил перечень поручений В. В. Путина, утвержденный по итогам заседания Совета при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека, где Правительству Российской Федерации ставилась задача «...представить предложения о мерах поддержки (в части, касающейся материального обеспечения, оказания медицинской помощи, предоставления возможности получения образования, повышения квалификации, профессиональной переподготовки) жен лиц, погибших (умерших) при выполнении задач специальной военной операции», а также, что вызывает особый интерес в контексте поднятой проблематики, «...и женщин, которые не заключили брак с такими лицами, но совместно проживали с ними, вели общее хозяйство либо имеют общих детей»².

В оперативном порядке в соответствии с поручением в части разработки мер поддержки «фактических» жен погибших участников специальной военной операции депутатом Государственной Думы П. В. Крашенинниковым, сенаторами Российской Федерации А. А. Турчаком,

ции» (о фактических брачных отношениях)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/539969-8> (дата обращения: 14.12.2024).

² Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/73277> (дата обращения: 14.12.2024).

А. А. Клишасом был предложен проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации” (о фактических брачных отношениях)». Суть предлагаемого законотворческого подхода к решению поставленной Президентом России проблемы раскрывается в пояснительной записке к законопроекту, где отмечается, что он разработан «...с целью защиты интересов членов “фактической” семьи военнослужащих, принимавших участие и погибших во время специальной военной операции»³, обеспечения членам такой семьи материальной поддержки от государства. В пояснении отмечается, что предлагается «...предусмотреть возможность признавать супругом после смерти одного из фактических супругов, поскольку в данном случае невозможно оформление брачного отношения на прошлый период в связи со смертью или исчезновением лица в связи с участием в специальной военной операции»⁴. Вследствие этого «...семьи лишаются “кормильца” и в действующем законодательстве нет правовых средств и механизмов защиты интересов таких членов семьи военнослужащего»⁵.

Законопроектом предлагается следующий механизм защиты. В суде в порядке особого производства должен быть «...установлен факт нахождения в брачных отношениях, если погибший на СВО мужчина и женщина проживали совместно не менее трех лет или не менее одного года при наличии совместного ребенка и вели общее хозяйство»⁶. Предполагается, что в судебном решении об установлении факта нахождения в брачных отношениях будет указываться момент их возникновения, установленные брачные отношения будут признаваться браком и «фактическая» супруга приобретет право наследования, права на социальные и иные льготы в соответствии с действующим законодательством. При этом предлагается распространить эти нормы и на те «фактические» семьи, «которые сложились до вступления закона в силу»⁷.

Критика законотворческой инициативы и нерешенные проблемные вопросы

В целом данная законодательная инициатива нашла поддержку у экспертов, в частности, Президентский совет по кодификации, при условии устранения ряда высказанных замечаний, поддержал концепцию

³ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации”». URL: [file:///C:/Users/User1/Downloads/250935769-253288492%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/User1/Downloads/250935769-253288492%20(1).pdf) (дата обращения: 14.12.2024).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

законопроекта о «фактических брачных отношениях»⁸. Суть замечаний, содержащихся в заключении Президентского совета по кодификации⁹, сводилась к следующему: предлагалось уточнить субъектный состав участников отношений, относящихся к предмету его регулирования; обращалось внимание на то, что остается нерешенной проблема причинно-следственных связей между боевыми действиями и гибелью. К примеру, «смерть может наступить не только из-за ранений, полученных в результате попадания снаряда в дом, но и от сердечного приступа, случившегося на этом фоне. Во втором случае неясно, можно ли утверждать о смерти в результате боевых действий»¹⁰.

Отмечалось, «...что при доработке текста Проекта необходимо прямо указать на недопустимость установления факта состояния в брачных отношениях в случае, если заявитель либо погибший, или признанный безвестно отсутствующим, или объявленный умершим состоят или состояли (к моменту гибели) в браке с иными лицами»¹¹, что могло бы нарушить принцип моногамии. Это замечание представляется принципиально значимым, обуславливающим добавление в законопроект нормы о том, что ни одно из лиц, находящихся в фактических брачных отношениях, признаваемых судом браком, не должно было состоять в официальном брачном союзе с кем бы то ни было еще.

Обращалось внимание на то, что приравнивание рассматриваемых в законопроекте «...ситуаций к браку требует проверки судом всех условий вступления в брак и препятствий к его совершению, что означает необходимость указания в Проекте на соблюдение требований статей 12–14 Семейного кодекса Российской Федерации, в том числе требований к брачному возрасту»¹². Были и редакционные замечания. Признавалось целесообразным слова «проживали совместно не менее одного года при наличии совместного ребенка» заменить словами «проживали совместно не менее одного года, имели общего ребенка»¹³. С учетом необходимости устранения высказанных замечаний законопроект был поддержан.

⁸ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации”».

⁹ Экспертное заключение от 27 февраля 2024 г. по проекту федерального закона № 539969-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации” (о фактических брачных отношениях)». URL: <https://privlaw.ru/upload/iblock/cd4/rkgjq9d7h92bj9y90zcsxyipf1x0nq2s/%D0%AD%D0%BA%D1%81%D0%BF.pdf> (дата обращения: 14.12.2024).

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

Конструктивные предложения по совершенствованию законопроекта

Вместе с тем представляется, что даже в случае внесения изменений, учитывающих обоснованные замечания, в законопроекте останутся и другие нерешенные вопросы практического характера, на многие из которых обращается внимание в научных публикациях, посвященных обсуждению этой проблемы.

Потребуется ли в случае принятия законопроекта о «фактических брачных отношениях» корректировки других нормативных правовых актов, кроме ГК РФ? Каких?

Очевидно, что легализация законодательной инициативы потребует внесения изменений в Семейный кодекс, признающий брак, заключенный только в ЗАГСе, а также в Закон «Об актах гражданского состояния», согласно которому права и обязанности супругов возникают с момента государственной регистрации брака. Принятие же законопроекта подразумевает установление нового вида акта гражданского состояния, порядка его государственной регистрации и внесения сведений о нем в Единый государственный реестр записей актов гражданского состояния (далее – ЕГР ЗАГС), что должно получить легальное подтверждение.

В отзыве Правительства Российской Федерации содержится предложение об исключении из законопроекта положения о внесении в ЕГР ЗАГС сведения об установленном в судебном порядке «фактическом браке» в связи с необходимостью выделения дополнительных ассигнований за счет средств федерального бюджета¹⁴. Вряд ли это предложение вызовет ожидаемый эффект, дополнительных бюджетных ассигнований невозможно избежать.

Возможна явка безвестно отсутствующего лица [2]. Что делать, если пропавший без вести участник СВО окажется в живых, возвратится из плена, а суд признал его находившимся в браке? Как восстановить нарушенный принцип добровольности при вступлении в брак лица, которое не выражало согласие на его заключение?

В условиях существенного сокращения сроков признания судом безвестно отсутствующим участника СВО до полугода может возникнуть ситуация, при которой военнослужащий, возвратившись из плена, встанет перед фактом, что он является законным мужем женщины, с которой он состоял в «фактических брачных отношениях». Не менее трех лет он сожительствовал с партнершей, они имели возможность подать заявление в ЗАГС, но тем не менее это право не реализовали по причине, их обоих устраивающей.

¹⁴ Кабмин поддержал проект о защите прав гражданских жен участников спецоперации. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/05/20/1038200-kabmin-podderzhal-proekt> (дата обращения: 14.12.2024).

При наличии особых обстоятельств (ст. 11 СК РФ), к которым можно отнести мобилизацию, регистрация брака была возможна и в день подачи заявления. Участники СВО имеют гарантированное право на отпуск. Заверить подпись на заявлении о заключении брака (п. 2 ст. 26 Федерального закона «Об актах гражданского состояния») с 14 апреля 2023 г. вправе командиры воинских частей или начальники военных госпиталей, так что при желании заключение брака в органах ЗАГС участником СВО не является непреодолимым препятствием.

Очевидно, что если граждане не заключают законный брак, то для этого у них имеются веские обстоятельства. В связи с этим в целях обеспечения принципа добровольности при вступлении в брак лица, которое не выражало согласие на его заключение, видится целесообразным предусмотреть в законопроекте норму о возможности оспаривания факта нахождения в «фактическом браке» в случае явки лица, признанного безвестно отсутствующим или объявленного умершим.

Кроме того, с легализацией правовой конструкции признания «фактических брачных отношений» возрастает вероятность появления проблемных ситуаций, обусловленных различными злоупотреблениями со стороны недобросовестных «фактических» супругов. Не исключен, например, случай, когда дети рождены не от сожителя. Тогда что же, придется устанавливать одновременно с фактом состояния в фактических брачных отношениях и факт отцовства или факт признания отцовства (ст. 50 СК РФ) [3]? Или как быть, если супруг (супруга), не расторгнув брак, вступили в фактические брачные отношения с другим партнером или с несколькими? Не исключены ситуации, когда в суд может поступить, например, два аналогичных заявления от разных женщин, каждая из которых в свое время состояла в фактических брачных отношениях с участником СВО и имеет с ним совместных детей. Кого призывать в качестве наследника – партнера в зарегистрированном браке или «фактического» [2, с. 118]? Ответить на эти вопросы в рамках предложенной в законопроекте концепции будет трудно.

Обоснование необходимости изменения законотворческого подхода

Думается, что правотворческий подход, предполагающий легализацию правовой конструкции признания «фактических брачных отношений», не вполне совершенен. Критически анализируя законопроект, О. В. Кузнецова делает вывод, что он «...противоречит нормам действующего семейного законодательства, нарушает принципы семейного права» [3, с. 30]. Однако конструктивный подход к совершенствованию законопроекта должен заключаться не в его отрицании, а в предложении пути решения проблемы, обозначенной Президентом Российской Федерации, обеспечивающего выполнение поручения по предоставлению мер поддержки членам семей погибших участников СВО.

Рассматривая проблему под этим углом зрения, видится целесообразным скорректировать концепцию законотворческого подхода к решению проблемы. Здесь нужна регламентация порядка установления факта нахождения в брачных отношениях участника СВО посредством, как мы полагаем, внесения изменений в гражданское наследственное законодательство (в часть третью ГК РФ). Как представляется, в целях избежания огромного количества возможных проблемных вопросов, потенциально порождающих имущественные конфликты, «фактическая» супруга должна не приобретать «право наследования», а получить только «права на социальные льготы».

В измененной концепции законопроекта акцент должен быть сделан не на имущественный аспект отношений, вытекающий из факта признания брачных отношений, а на моральный. Моральное удовлетворение женщина, состоящая в отношениях с участником СВО, может получить посредством предоставления возможности заключения брака после его гибели, т. е. легализации правовой конструкции «посмертного брака». В этом случае у вдовы появится законное право на социальную защиту не только ее, но, возможно, и рожденного после смерти отца ребенка, включая меры материальной поддержки в соответствии с действующим законодательством.

Представляется, что постановка вопроса в научной литературе о рассмотрении «брака после смерти участника СВО» через призму «решения имущественных проблем фактических супругов» [3] неоправданна с учетом отечественного и мирового правоприменительного опыта. В Советском Союзе практика признания в судебном порядке «фактических брачных отношений», если это было невозможно сделать из-за «...смерти или вследствие пропажи без вести на фронте одного из фактических супругов»¹⁵, рассматривалась в качестве инструмента стимулирования рождаемости, и на вдов в этом случае распространялись меры государственной поддержки¹⁶. С принятием данного решения существование «фактических браков», допускаемых Кодексом законов о браке, семье и опеке 1926 г., более не признавалось законным [2, с. 113].

Одним из наиболее значимых недостатков рассматриваемого законопроекта о легализации «фактических брачных отношений» погиб-

¹⁵ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 10 ноября 1944 г. «О порядке признания фактических брачных отношений в случае смерти или пропажи без вести на фронте одного из супругов». URL: <https://docs.cntd.ru/document/9005179> (дата обращения: 14.12.2024).

¹⁶ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”». URL: <https://docs.cntd.ru/document/9033536> (дата обращения: 14.12.2024).

шего участника СВО, по нашему мнению, является то, что он в концептуальном плане повторяет отклоненный в 2018 г. законопроект № 368962-7, который закреплял «статус фактических брачных отношений», что предполагало «наступление прав и обязанностей супругов, предусмотренных семейным и гражданским законодательством»¹⁷, и в первую очередь – имущественных. По мнению члена Совета Федерации А. В. Белякова, разработчика данного законопроекта, при соблюдении ряда условий, позволяющих установить «фактические брачные отношения», имущество, приобретенное этими лицами «в период их совместного проживания», должно было признаваться «их совместной собственностью»¹⁸.

Данная законодательная инициатива была отрицательно оценена Комитетом Государственной Думы по вопросу семьи, женщин и детей, рекомендовавшим отклонить этот законопроект, поскольку он «...противоречит положениям Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года», не соответствует «традиционным семейным ценностям»¹⁹. В заключении Комитета отмечалось, что предлагаемый законотворческий подход «...на практике дискредитирует институт брака и фактически лишает его юридического смысла»²⁰, с чем солидарны многие ученые [4; 5; 6; 7]. Идея легализации фактических брачных отношений последовательно осуждалась и другими авторитетными учеными, среди которых можно назвать О. Ю. Ильину [8], О. А. Косову [9], еще задолго до внесения законопроекта на обсуждение в Государственную Думу. В связи с тем, что «...проект о приравнивании по правовым последствиям “вольного супружества” к супружеству зарегистрированному...» не поддерживается «общественным большинством», «...можно обойтись и более аккуратными (более тонкими для восприятия) решениями, в которых главной задачей была бы прописана... возможность справедливой защиты жизненно важных интересов сторон, а также и их общих детей» [10, с. 39].

Трудно сказать, можно ли считать ученых, полагающих неприемлемой легализацию фактических брачных отношений в России, «общественным большинством», поскольку сторонников законодательного их признания

¹⁷ Законопроект № 368962-7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации» (по вопросу о статусе фактических брачных отношений). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/368962-7> (дата обращения: 14.12.2024).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Заключение Комитета Государственной Думы по вопросу семьи, женщин и детей по проекту федерального закона № 368962-7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации» (по вопросу о статусе фактических брачных отношений), внесенному членом Совета Федерации А. В. Беляковым. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/368962-7> (дата обращения: 14.12.2024).

²⁰ Там же.

в научном сообществе также немало [11; 12; 13], но позиция профессора Н. Н. Тарусиной видится достаточно перспективной.

В этом контексте представляется, что в нашем случае «более тонким», альтернативным решением проблемы, обозначенной в поручении Президента Российской Федерации, не раздражающим чувства традиционно-ценностного семейно-ориентированного «общественного большинства» и их оппонентов, в не меньшей степени разделяющих данные ценности [14], могла бы стать легализация конструкции посмертного брака, учитывающего вышеотмеченные замечания.

В мировой правоприменительной практике таким образом данная проблема решается во Франции, где в ст. 171 Гражданского кодекса легализованы посмертные браки (*mariage posthume*). Вместе с тем «этот брак не влечет за собой какого-либо права наследования без завещания в пользу пережившего супруга, и считается, что между супругами не существовало никакого супружеского режима»²¹. Посмертный брак во Франции приносит как моральное удовлетворение женщине в признании ее статуса «законной жены», так и материальное – предоставление социального обеспечения. Для признания посмертного брака подается заявление на имя Президента Франции, который, если сочтет причины его заключения уважительными, вправе санкционировать процедуру проверки фактических обстоятельств, позволяющих установить посмертную волю умершего на заключение брака. При этом учитываются продолжительность «квазибрачных» (фактических) отношений, наличие совместных детей, беременность [15, с. 73], а также мнение по этому вопросу семьи покойного, так как вдова приобретает также право на его имя. После подтверждения министром юстиции, региональным прокурором обстоятельств, указанных в заявлении на заключение «брака после смерти», Президент может вынести положительное решение [16]. В случае, если посмертный брак заключается с погибшим участником боевых действий, то решение Президента не требуется, и в соответствии со ст. 96-1 Гражданского кодекса Франции предусмотрена упрощенная процедура: разрешение дается министром обороны, хранителем печатей и министром юстиции²².

Есть основание считать, что явление «посмертных браков» носит во Франции исключительно немассовой, индивидуальный, эмоциональный характер, имеет семейно-правовую природу, учитывающую военно-правовой аспект отношений, а установленная законом невозможность предъявления вдовой имущественных претензий к семье умершего ис-

²¹ Статья 171 Гражданского кодекса Франции. URL: <http://oceanlaw.ru/wp-content/uploads/2018/02/%D0%A4%D1%80.%D0%9A%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81-123.pdf>.

²² Статья 96-1 Гражданского кодекса Франции. URL: <http://oceanlaw.ru/wp-content/uploads/2018/02/%D0%A4%D1%80.%D0%9A%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81-123.pdf>.

ключает потенциальные конфликты и попытки злоупотребления своим статусом.

Обсуждение и заключение

Проведенное исследование доказывает, что у институтов «фактических брачных отношений» и «посмертных браков» различная правовая природа, и легализация этих правовых конструкций должна осуществляться соответствующими их природе правовыми средствами. Учет всех высказанных критических замечаний к законопроекту о «фактических брачных отношениях» не изменит их правовой природы, поскольку дополнения вносятся в часть третью ГК РФ, что потенциально предполагает возникновение наследственных правоотношений в семье погибшего участника СВО и возможность последующих имущественных споров. Концептуальное изменение законодательного подхода к практической реализации президентского поручения «в части разработки мер поддержки “фактических” жен погибших участников специальной военной операции»²³ видится посредством внесения изменений в Семейный кодекс Российской Федерации, легализующих «посмертные браки», и в Закон «Об актах гражданского состояния».

Таким образом, с учетом отечественной и зарубежной правоприменительной практики в качестве вектора совершенствования правовой конструкции защиты членов семей погибших участников специальной военной операции следует признать необходимость изменения концепции законопроекта о «фактических брачных отношениях». Смещение акцентов в предлагаемом правовом инструментарии с «имущественного» на «моральный» способно, с одной стороны, предотвратить возможность предъявления вдовой имущественных претензий к семье умершего, исключить потенциальные наследственные споры, попытки злоупотребления своим статусом, а с другой – обеспечить надежную социальную защиту «фактических» жен погибших участников специальной военной операции. Представляется, что учет данной рекомендации в целом положительно скажется на исполнении поручения Верховного главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации.

Список источников

1. Мананников Д. Ю. Социальная поддержка военнослужащих и членов семей погибших (умерших) участников боевых действий в условиях проведения Российской Федерацией специальной воен-

²³ Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/73277> (дата обращения: 14.12.2024).

- ной операции на территории Украины // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2022. Т. 10, № 2. С. 80–88. DOI: 10.21685/2307-9525-2022-10-2-9.
2. Богдан В. В. Брак Post Mortem: размышления о законопроекте о признании фактических брачных отношений // Труды Института государства и права РАН. 2024. Т. 19, № 3. С. 106–124. DOI: 10.35427/2073-4522-2024-19-3-bogdan.
 3. Кузнецова О. В. Брак после смерти участника СВО как способ решения имущественных проблем фактических супругов // Социальное управление. 2024. Т. 6, № 1. С. 23–31.
 4. Елисеева А. А. Традиционные семейные ценности как объект интересов: частноправовой и публично-правовой аспекты // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 5. С. 68–75.
 5. Киселева Н. В. Установление фактических брачных отношений как «навязанная» государственная услуга // Семейное и жилищное право. 2019. № 2. С. 14–17.
 6. Левченко А. И. Фактические брачные отношения с точки зрения правового регулирования // Гражданин и право. 2021. № 12. С. 43–46.
 7. Смышляева О. В. Фактические брачные отношения как альтернатива браку в Российской Федерации: теория и практика применения // Семейное и жилищное право. 2019. № 4. С. 23–27.
 8. Ильина О. Ю. Брак как форма государственного признания отношений между мужчиной и женщиной // Семейное и жилищное право. 2006. № 4. С. 30–35.
 9. Косова О. А. «Фактические браки» и семейное право // Правоведение. 1999. № 3. С. 105–120.
 10. Тарусина Н. Н. Семейные ценности под эгидой права: новое в традиции и традиция в новом // Lex russica. 2023. Т. 76, № 1. С. 33–52. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.194.1.033-052.
 11. Доставалова А. С. К вопросу о гражданско-правовой форме отношений сожителей // Гражданское право. 2023. № 6. С. 40–42.
 12. Левушкин А. Н. Фактические брачные правоотношения: объективная реальность и необходимость правового регулирования // Современное право. 2014. № 3. С. 65–67.
 13. Михайлова И. А. Гендерное неравенство в брачно-семейной сфере: формы проявления и возможности преодоления // Lex russica. 2022. Т. 75, № 8. С. 119–129. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.189.8.119-129.
 14. Беспалов Ю. Ф. К вопросу о семейных ценностях в Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2018. № 5. С. 4–6.

15. Скакович И. А. Нетрадиционные виды брака в праве иностранных государств // Международные отношения: история, теория, практика. Материалы IX научно-практической конференции молодых ученых факультета международных отношений БГУ / отв. ред. В. Г. Шадурский. Минск : БГУ, 2019. С. 71–74. ISBN: 978-985-566-883-2.
16. Мирошников Е. В., Акиннышина Е. А., Лемешко А. А. Институт нетрадиционных браков в зарубежных странах // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 97-6. С. 35–38.

References

1. Manannikov, D. Yu. [Social support for military personnel and family members of fallen (deceased) combatants in the conditions of the Russian Federation conducting a special military operation on the territory of Ukraine]. *Elektronnyj nauchnyj zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo"* = [Electronic Scientific Journal "Science. Society. State"]. 2022;10(2):80-88. (In Russ.) DOI: 10.21685/2307-9525-2022-10-2-9.
2. Bogdan, V. V. [Marriage Post Mortem: reflections on the bill on the recognition of de facto marital relations]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* = [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences]. 2024;19(3):106-124. (In Russ.) DOI: 10.35427/2073-4522-2024-19-3-bogdan.
3. Kuznetsova, O. V. [Marriage after the death of a special military operation participant as a way to solve the property problems of actual spouses]. *Social'noe upravlenie* = [Social Management]. 2024;6(1):23-31. (In Russ.)
4. Eliseeva, A. A. [Traditional family values as an object of interest: private law and public law aspects]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYUA)* = *Bulletin of the University named after O. E. Kutafin (MSAL)*. 2023;(5):68-75. (In Russ.)
5. Kiseleva, N. V. [Establishment of actual marital relations as an "imposed" public service]. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo* = [Family and Housing Law]. 2019;(2):14-17. (In Russ.)
6. Levchenko, A. I. [Actual marital relations from the point of view of legal regulation]. *Grazhdanin i pravo* = [Citizen and Law]. 2021;(12):43-46. (In Russ.)
7. Smyshlyaeva, O. V. [Actual marital relations as an alternative to marriage in the Russian Federation: theory and practice of application]. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo* = [Family and Housing Law]. 2019;(4):23-27. (In Russ.)
8. Ilyina, O. Yu. [Marriage as a form of state recognition of relations between a man and a woman]. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo* = [Family and Housing Law]. 2006;(4):30-35. (In Russ.)

9. Kosova, O. A. ["Actual marriages" and family law]. *Pravovedenie = [Jurisprudence]*. 1999;(3):105-120. (In Russ.)
10. Tarusina, N. N. Family values under the aegis of law: new in tradition and tradition in the new. *Lex Russica*. 2023;76(1):33-52. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2023.194.1.033-052.
11. Dostavalova, A. S. [On the issue of the civil legal form of relations between cohabitants]. *Grazhdanskoe pravo = [Civil Law]*. 2023;(6):40-42. (In Russ.)
12. Levushkin, A. N. [Actual marriage legal relations: objective reality and the need for legal regulation]. *Sovremennoe pravo = [Modern Law]*. 2014;(3):65-67. (In Russ.)
13. Mikhailova, I. A. [Gender inequality in the marriage and family sphere: forms of manifestation and possibilities for overcoming]. *Lex Russica*. 2022;75(8):119-129. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2022.189.8.119-129.
14. Bepalov, Yu. F. [On the issue of family values in the Russian Federation]. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo = [Family and Housing Law]*. 2018;(5):4-6. (In Russ.)
15. Skakovich, I. A. [Non-traditional types of marriage in the law of foreign states]. In: V. G. Shadursky, resp. ed. *[International relations: history, theory, practice]*. Materials of the IX Scientific and Practical Conference of young scientists of the Faculty of International Relations of Belarus State University. Minsk: Belarus State University; 2019. Pp. 71-74. (In Russ.) ISBN: 978-985-566-883-2.
16. Miroshnikov, E. V., Akinshina, E. A., Lemeshko, A. A. [Institute of non-traditional marriages in foreign countries]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya = [Trends in the Development of Science and Education]*. 2023;(97-6):35-38. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Барков Алексей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации (Российская Федерация, 123001, Москва, ул. Большая Садовая, д. 14, с. 1); профессор кафедры правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, 125167, Москва, Ленинградский пр-кт, д. 49/2).

Alexey V. Barkov, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor at the Civil Law Department, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation (build. 1, 14 Bolshaya Sadovaya St., Moscow, 123001, Russian Federation); Professor at the Legal Regulation of Eco-

nomic Activity Department, Financial University under the Government of the Russian Federation (49/2 Leningradsky Ave., Moscow, 125167, Russian Federation).

Гришина Яна Сергеевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Yana S. Grishina, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor at the Civil Law Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Заявленный вклад авторов / Contribution of the authors

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
The authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 05.01.2025; одобрена после рецензирования 07.02.2025; принята к публикации 03.04.2025.
The article was submitted 05.01.2025; approved after reviewing 07.02.2025; accepted for publication 03.04.2025.